

© 2000 г.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЛАН ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

В вопросе о происхождении алан среди исследователей нет единого мнения. В науке сложилось устойчивое представление об аланах как о сарматском по происхождению народе¹. Основные положения этой концепции сводятся к следующему: аланы, одно из сарматских племен, выделились из аорской конфедерации, и выход их на историческую арену связан с политической перегруппировкой сил внутри нее; этноним «аланорсы», зафиксированный Птолемеем, трактуется как переходный от аорсов к аланам; аланы же появляются там, где до того локализовались сарматские племена, которые уже ко II в. н.э. влились в аланское этнополитическое объединение.

Главным возражением против теории сарматского происхождения алан является то, что ни один античный автор не отождествляет их с сарматами. На всех известных этнокартах античных писателей, аланы фиксируются как самостоятельное племя наряду с различными сарматскими племенами. Альтернативной точкой зрения стало мнение о среднеазиатском происхождении алан, высказанное Л.Г. Нечаевой². В настоящее время эта версия становится все более популярной среди исследователей³ и, на мой взгляд, она выглядит предпочтительнее первой. В связи с тем, что историками не сформулирована концепция среднеазиатского происхождения этого народа с использованием всех известных китайских и античных письменных источников, я считаю возможным предложить свою версию энтогенеза алан.

Впервые этноним «аланы» появляется у античных авторов в I в. н.э. Наиболее раннее их упоминание мы встречаем у Луция Аннея Сенеки, в трагедии «Фиест» (627–631), написанной в середине I в. н.э. Не обошли своим вниманием алан римские поэты и историки I в. н.э. (Марк Анней Лукан, Гай Валерий Флакк, Марциал, Плиний Старший, Иосиф Флавий). Плиний и Иосиф Флавий, нисколько не противореча друг другу, указывают на территории, занимаемые аланами. По выражению Иосифа Флавия, «...племя аланов есть часть скифов, живущая вокруг Танаиса и Меотийского озера» (De bel. VII.7.4), т.е. Дона и Азовского моря.

¹ Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899; Смирнов К.Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. 1950. XXXIV; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963; Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы энтогенеза осетин. Тбилиси, 1966; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

² Нечаева Л.Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе; Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1956; она же. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л., 1961.

³ Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей в II в. до н.э. – I в. н.э. // Археологический сборник. Вып. 16. Л., 1974. С. 127; Керэфов Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988. С. 117–138; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990. С. 198–222; Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии I–II вв. н.э. // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. Вып. 3. С. 60–72.

Характеристики, данные аланам авторами I в. н.э., хотя и не повторяются, но говорят исключительно об их воинских достоинствах, описывая их как диких (Сенека), суровых и вечно воинственных (Лукан), пылких (Флакк), а автор II в. н.э., Дионисий Периегет, отмечает храбрость этого народа. Несмотря на обилие информации, мы не находим ответа на закономерный вопрос – кто же такие аланы? Из авторов I в. н.э. только один Иосиф Флавий говорит, что аланы – это часть скифов. Но он и всех сарматов характеризует, как часть скифов: «Те из скифов, которые зовутся сарматами...» (De bel. VII. 7.3), т.е. характеристика «скифы» у Иосифа Флавия ни на что, кроме как на принадлежность в кругу ираноязычных кочевников, не указывает.

Несколько авторов II в. н.э. упоминают алан в своих произведениях, но только Клавдий Птолемей, Дион Кассий и Флавий Арриан дают аланам этническую характеристику. Птолемей фиксирует этот народ на территории евразийской степи, которая у него делится на три крупных региона: европейскую Сарматия, азиатскую Сарматия и Скифию. Границей между европейской и азиатской Сарматией была река Танаис. Алан же мы находим у Птолемея как в европейской Сарматии, так и в Скифии.

В главе «Положение европейской Сарматии» Птолемея мы читаем следующее: «Заселяют Сарматия очень многочисленные племена ... по всему берегу Меотиды язиги и роксоланы; далее за ними внутрь страны – гамаксобии и скифы-аланы» (III. 5.7). Речь в данном случае идет о районе, расположенном где-то к северу от Меотиды и к западу от Танаиса, в его нижнем течении. Кроме того, Птолемей сообщает, что среди гор, пересекающих европейскую Сарматия, имеются и «горы Аланские» (III. 5.5), которые, видимо, вслед за Ю.А. Кулаковским следует отождествить с Донецким кряжем⁴.

Под Скифией, в которой мы находим азиатских алан, у Птолемея имеется в виду территория, простирающаяся к востоку от азиатской Сарматии: «Она (т.е. азиатская Сарматия. – Т.Г.) ограничивается также и Скифией, простирающейся вдоль реки Ра (Волга – Т.Г.)» (V. 8.1), т.е. речь в данном случае идет о территориях Заволжья и Закаспия. Вся Скифия у Птолемея делится на две части, по эту и по ту сторону горы Имаон. При этом гора Имаон описывается не как отдельно стоящая вершина, а как цепь гор. Если же ее соотнести с реальной географической картой, то эта горная система, протянувшаяся в меридиональном направлении, на севере должна была захватить северные отроги Тянь-Шаня, далее к югу пересечь Памир и упереться в Гиндукуш. «Скифия по эту сторону горы Имаон» на западе граничит с азиатской Сарматией, на севере – с неизвестной землей, на востоке – с линией Имаонских гор, на юге – с областью саков, Согдианой, Маргианой и частью Гирканского (Каспийского. – Т.Г.) моря до реки Ра (VI. 14.1). Как мы видим, эта часть Скифии локализуется в центральных и в северных областях Средней Азии и в Южном Казахстане.

О народах, обитавших в «Скифии по эту сторону горы Имаон», Птолемей сообщает следующее: «Населяют же [часть] этой Скифии, всю обращенную к северу, вплотную к неизвестной [земле], так называемые аланы скифы, и суобены, и аланорсы, а [территорию] ниже их сэтианы, и массэи, и сюэбы, и у внешней стороны [горы] Имаон тектосаки, а затем у восточных истоков реки Ра робоски...» (VI. 14.9). Локализовать эти народы можно только относительно друг друга. Поскольку перечень племен ведется Птолемеем с севера на юг и с запада на восток, то мы имеем право поместить алан-скифов и аланорсов в северных областях этого региона, южнее неизвестной земли. При этом если аланорсов можно локализовать у северо-западной оконечности Тянь-Шаня, то алан-скифов к западу от них, после занимающих срединное положение суобенов.

Этноним «аланорсы» встречается только один-единственный раз у Птолемея. По звучанию он напоминает названия сразу двух народов – алан и аорсов, на основе чего исследователями и был сделан вывод о его переходном значении. Птолемей знает

⁴ Кулаковский Ю. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899. С. 20.

аорсов как в Сарматии, так и в Скифии. В Скифии они зафиксированы на каком-то удалении и от алан, и от аланорсов, в районе, расположенном к востоку от р. Ра-Волги и западнее р. Яксарта-Сырдарьи (VI. 14.10), т.е. в Северном Прикаспии. При этом, если алан-скифов и аланорсов разделяли только суобены, то пространство между ними и аорсами занимали многие народы. При подобной локализации территория аланорсов удалена от территории аорсов более чем на 1000 км к востоку. У Тянь-Шаня аорсы никогда никем не фиксировались. И дело не в том, что они не смогли бы продвинуться туда, а в том, что Птолемей упоминает аланорсов одновременно с аланами и аорсами на конкретных территориях, что и не позволяет говорить об обязательной переходности этого этнонима. В этой связи мне представляется правильной этимология, данная этнониму «аланорсы» В.И. Абаевым: «белые аланы» (вторая часть слова *org*-переводится как «белый») ⁵. Данная трактовка исключает из этнонима «аланорсы» аорсов как обязательный компонент и устанавливает тесную взаимосвязь между аланами и аланорсами. Это в свою очередь позволяет рассматривать их как две племенные группировки одного и того же народа.

В Скифии у Птолемея расположены и Аланские горы, которые, судя по описанию, также находились в северной части региона (VI. 14.3). При этом в труде Птолемея мы второй раз сталкиваемся с горами, имеющими одинаковое название. В первом случае Аланские горы помещены Птолемеем в европейской Сарматии, во втором – в «Скифии по эту сторону горы Имаон». Сопоставление координат, данных Птолемеем обоим горным массивам, позволяет заключить, что он зафиксировал одинаковое название для разных горных систем.

Итак, у Птолемея мы встречаем алан не только в Сарматии, где они известны и авторам I в. н.э., но и в Скифии. Второе указание интереснее первого, поскольку оно говорит о пребывании алан в регионе, названном автором Скифией. Это свидетельствует о том, что Птолемей именно Скифию считал прародиной алан. В то же время отнесение европейских алан к скифам дополнительно свидетельствует о том, что в земли, названные Птолемеем Сарматией, аланы пришли из Скифии.

Об этнической принадлежности алан пишут еще два автора II в. н.э. Арриан называет алан скифами (*Contra Alanos*), а Дион Кассий – массагетами (LXIX. 15). Оба автора констатируют это как факт, не давая ему никаких разъяснений. Как массагетов алан характеризует и Аммиан Марцеллин. Он упоминает алан как в Европе, так и в Азии, в Европе аланы фиксируются им несколько раз (XXII. 8. 31. 38. 42). Этих алан Аммиан Марцеллин называет «европейскими». Алан же неевропейских мы находим в его текстах, посвященных описанию глубинных пространств Азии: «Вокруг ущелий и выступов гор, называемых Имавскими и Апурийскими, внутри персидских границ живут скифы, смежные с азиатскими сарматами и соприкасающиеся с крайними пределами земли аланов» (XXIII. 6.61). Где искать эти «крайние пределы», видно из следующего фрагмента: «Близ поселений амазонок живут аланы, обращенные к востоку... их владения приближаются к азиатским землям и простираются, как я узнал, до самой реки Ганга... (XXXI. 2.13). Амазонки же, в представлении Аммиана, обитали между Доном и Каспийским морем (XXII. 8. 27). Таким образом, отмечая, что «близ поселений амазонок живут аланы, обращенные к востоку», автор как бы исключил волго-донское междуречье из зоны обитания алан, указав, что они живут восточнее. Что подразумевал автор, говоря о персидских границах, видно из следующего отрывка его текста: «Важнейшие провинции Персии ... следующие: Ассирия, Сузиана, Мидия, Персия, Большая Кармания, Гиркания, Маргиана и земли Бактрийцев, Согдианов и Саков, далее Скифия по ту сторону Имая и до этой горы...» (XXIII. 6. 14). Итак, в Персии Аммиан Марцеллин помещает Скифию, что согласуется, а возможно, и восходит к данным Птолемея.

У Аммиана Марцеллина имеется также упоминание гор, связанных с аланами: «За ней (т.е. за Танаисом. – Т.Г.) тянутся бесконечные степи Скифии, населенные

⁵ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949. С. 156.

аланами, получившими свое название от гор...» (XXXI. 2. 12). Поскольку здесь говорится об аланах не европейских, а об аланах в Скифии, то и горы эти находились, по представлению Аммиана Марцеллина, в Скифии, что совпадает с локализацией Аланских гор в Скифии у Птолемея. Кроме того, важно, что, по мнению Аммиана, именно от этих гор аланы получили свое название.

Характеристики алан как скифов у Птолемея и как массагетов у Аммиана не только не противоречат, но даже дополняют друг друга. Если этническое определение алан как части скифов носит достаточно широкий характер, то указание на их массагетское происхождение сужает тот круг народов, из среды которых, по мнению Диона Кассия и Аммиана Марцеллина, могли выделиться аланы, поскольку массагетов античные авторы традиционно также относят к числу скифских племен. В любом случае оба автора рассматривают Скифию как регион, откуда вышли аланы.

Кроме Птолемея и Аммиана Марцеллина аланы в Азии никем из античных авторов не зафиксированы, но этот этноним мы встречаем в китайских династийных историях. В «Хоу Хань шу» («История поздней династии Хань» – 25–220 гг. н.э.) говорится: «Владение Яньцай переименовалось в Аланья; состоит в зависимости от Кангюя. Климат умеренный; много сосны, ракитника и ковыля. Обыкновения и одеяния народа сходны с кангюйскими»⁶.

Описание Кангюя в «Хоу Хань шу» отсутствует, но, основываясь на более ранних китайских источниках («Ши цзи» = «Исторические записки» – II в. до н.э., «Хань шу» = «Хроника государства [Ранняя] Хань» – I в. до н.э.), учитывая взаиморасположение Давани (Ферганы) и Кангюя, можно сделать вывод, что основными территориями Кангюя были Средняя Сырдарья и прилегающие к ней районы. При подобной локализации Кангюя поиск территории, занимаемой владением Яньцай (которое находилось в 2 000 ли на северо-запад от Кангюя⁷), приводит нас в Приаралье и на Сырдарью в ее нижнем течении. Если соотнести информацию китайских источников с данными Птолемея, то аланорсы локализуются на территории Кангюя, а аланьскифы – на территории Яньцай-Аланья. Один народ, как мы видим, оказывается на территориях двух разных владений. Объяснить этот небольшой парадокс следует тем, что, как справедливо отметил А.С. Скрипкин, переименование Яньцай в Аланью свидетельствует о завоевании Яньцай Кангюем силами алан в рамках проводимой Кангюем политики⁸, т.е. переименование и подчинение были событиями единовременными. При этом часть алан (аланорсы) осталась на своих исконных землях в Кангюе.

Когда именно произошло переименование Яньцай в Аланью, в источнике не указано. В «Хоу Хань шу» сообщается, что описание «владений Западного края» основано на записках сановника Бань Юна, составленных в 125 г. н.э.⁹ В описании этих владений (всего их 23) имеются сведения, что некоторые из них отправляли посольства после 125 г. н.э. (Гюйли, Юйтянь, Дацинь, Тяньчжу, Сулэ, Харашар, Задний Чеси). Это могло бы расширить временные рамки до конца II в. н.э., когда информация о Кангюе могла попасть в Китай. Однако то, что все эти владения, за исключением Дациня (Римская империя), располагались в непосредственной близости от Китая, и самым западным из них было Сулэ (Кашгар), не позволяет считать их посольства возможными источниками информации о Кангюе в Китае. В то же время в описании Аньси, которое исследователи идентифицируют с Парфией¹⁰, имеются сведения, что это государство на севере смежно с Кангюем и неоднократно вплоть до 101 г. н.э. отправляло посольства в Китай. В 97 г. н.э. китайский наместник Бань Чао отправил в Дацинь посланником чиновника по имени Гань Ин, который «удовлетворительно

⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. II. М.–Л., 1950. С. 229.

⁷ Там же. С. 150, 186.

⁸ Скрипкин. Азиатская Сарматия. С. 204–205.

⁹ Бичурин. Собрание сведений... II. С. 221.

¹⁰ Малавкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989. С. 198.

описал климаты и редкие произведения пройденных им стран»¹¹. Информация о Кангюе и Яньцае могла проникнуть в Китай как от Гань Ина, так и через те посольства, которые отправляло в Китай государство Аньси, т.е. не позже 101 г. н.э., но и не раньше 9 г. н.э. (времени падения династии Ранняя Хань). Установить же реальную дату подчинения Яньцай Кангюю, основываясь только на китайских династических историях, я думаю, невозможно.

Следующее сообщение о государстве Аланья мы встречаем в «Вэй люэ» («Обзор Вэй»), труде середины III в. н.э.: «Есть еще государство Лю, есть государство Янь и еще государство Яньцай, иначе называемое Алань. Все они одних обычаев с Канцзюй (т.е. Кангюй. – Т.Г.). На западе граничат с Дацинь, на юго-востоке с Канцзюй... прилегают к большому озеру/болоту; в прежние времена весьма зависели от Канцзюй, а ныне не зависят»¹². Итак, мы встречаем второе и значительно более позднее, чем в «Хоу Хань шу», свидетельство, указывающее, что государство Яньцай имеет и другое название – Алань. Нахождение Алании в Приаралье в III в., и в то же время с середины I в. н.э. фиксация алан в Северном Причерноморье свидетельствуют о том, что на запад ушли не все аланы и какая-то их часть осталась на Востоке.

Еще одно описание государства Яньцай, и, по всей видимости, последнее, если не считать повтора в «Бэй ши» («Хроника северных государств» – VII в.), содержится в «Вэй шу» («История династии Вэй» – 384–534 гг.): «Государство Сутэ (Согдак, Согдиана) располагается на западе от Цунлина (Памир); в древности оно называлось Яньцай, еще одним названием было Вэньнаша. Они живут у большого озера/болота, находятся на северо-западе от Канцзюй...»¹³.

Благодаря последнему свидетельству мы имеем еще два названия территории, которая в «древности» имела названия Яньцай и Аланья, а позднее стала называться Сутэ и Вэньнаша. Время, в которое владение Яньцай-Аланья получило два других наименования, установить чрезвычайно трудно. Можно только констатировать, что название Вэньнаша более раннее, чем Сутэ. Оно могло сосуществовать с названиями Яньцай и Аланья, что не нашло отражения в источниках. К интерпретации наименования Вэньнаша мы вернемся позже.

Итак, исходной территорией, с которой начинается аланская экспансия, является Кангюй. Это владение стало известно китайцам со II в. до н.э., но ни во II, ни в I в. до н.э. аланы на его территории не фиксируются. Таким образом, выход их на историческую арену следует отнести к I в. н.э. и никак не позже его середины, поскольку именно в середине I в. аланы уже были зафиксированы в районе Танаиса и Меотиды. Ситуация, способствовавшая появлению новой этнической единицы, неразрывно связана с политическим положением Кангюя.

Во II в. до н.э., по данным «Ши цзи», Кангюй предстает рядовым владением. На востоке признает власть хуннов, а на юге – юэчжей и имеет до 90 000 войска¹⁴. В I в. до н.э., по сведениям «Хань шу», политическая ситуация резко меняется. Кангюй ведет себя по отношению к Китаю надменно, гордо и дерзко, «имеет под собой пять малых владений» и обладает войском в 120 000 человек¹⁵. Возросшее могущество Кангюя вряд ли можно объяснить только благоприятной демографической ситуацией. Скорее всего оно вызвано вхождением в Кангюй новой и значительной массы кочевого населения, позволившего увеличить войско на 30 000 человек. Приток же этого населения можно связать с инфильтрацией в кангюйскую среду юэчжей, поскольку именно у них наблюдается в I в. до н.э. сокращение войска. Если во II в.

¹¹ Бичурин. Собрание сведений... II. С. 217, 225.

¹² Зуев Ю. Сармато-аланы Приаралья (Яньцай/Абзюй) // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации. Материалы международной конференции. Алматы, 1995. С. 39–40.

¹³ Там же. С. 45–46.

¹⁴ Бичурин. Собрание сведений... II. С. 150.

¹⁵ Там же. С. 186–187.

до н.э. войско у юэчжей насчитывает от 100 000 до 200 000 человек, то в I в. до н.э. – только 100 000¹⁶. Данные цифры – не единственный аргумент в пользу правомерности установления связи Кангюя с юэчжами.

Впервые этноним «юэчжи» появляется в труде Сыма Цяня «Ши цзи». Рассказ его о юэчжах неоднократно повторен и в более поздних китайских источниках. Сведения эти сводятся к следующему.

К северу от Великой китайской стены между хребтами Дуньхуан и Циляншань (современная провинция Ганьсу на севере Китая) кочевали юэчжи, наиболее восточная группа ираноязычных кочевников. В середине II в. до н.э. юэчжи терпят поражение от хуннов и удаляются на запад¹⁷.

Поражение от хуннов разделило юэчжей на две части: *больших юэчжей* и *малых юэчжей*. Малые юэчжи «по малосилию» не могли следовать за прочими и остались в «южных горах». Большие юэчжи в своем движении на запад дошли до владения народа сэ и захватили его земли. Территории, занимаемые народом сэ, располагались к северу от Тянь-Шаня, главным образом в Семиречье (Юго-Восточный Казахстан и часть Северной Киргизии). Сэский правитель удалился на юг и покорило государство Гибинь (Северная Индия), но часть народа сэ осталась на своих землях под властью юэчжей. Пребывание юэчжей на завоеванной территории было не долгим, так как давний их противник усунь разгромили юэчжей и вынудили их удалиться далее на запад. «Усуньский Гуньмо остался на его землях: посему-то между усуньцами находятся отрасли племен сэского и юэчжийского»¹⁸.

Юэчжи, покинув земли народа сэ, прошли Давань (Фергана), вторглись в землю Дася (Греко-Бактрия) и покорили ее. На обломках Греко-Бактрии юэчжами была создана Кушанская империя. Сообщение о покорении Греко-Бактрии кочевниками имеется у Страбона (XI. 8.2) и Помпея Трога (XLI, XLII). Этим авторам наименование юэчжи незнакомо, но они знают асиев, тохаров и сакаравлов (сакарауков). Эти народы вслед за многими исследователями я считаю возможным следующим образом отождествить с кочевниками, известными китайским летописцам: асиев с усунями, тохаров с юэчжами, сакаравлов-саков с народом сэ.

Сообщений о проникновении юэчжей в Кангюй в ранних китайских источниках нет, но в «Вэй шу» в описании государства Кан имеется следующая информация: «Владетельный Дом Кан есть отрасль кангюйского Дома. Безвременно переходя с места на место, он не имеет привязанности к оседлой жизни. Со времен династии Хань преемство престола не пресекалось. Собственно владетель прозывается Вынь (Вэнь по переводам других авторов. – Т.Г.); происходит из Дома Юэчжи, который первоначально обитал по северную сторону хребта Циляншань в городе Чжаову; но после поражения от хуннов перешел через Луковые горы (Памир. – Т.Г.) на запад и основал царство. Он разделился на множество владетельных родов и утвердился в древнем царстве Кан. Сии роды, в память своего первоначального происхождения, все удержали прозвание Чжаову... Он имеет пребывание при реке Сабао в городе Алуди... Кан считается сильным государством. Ему покорилась большая часть владений в Западном крае, как то: Ми, Шы, Цао, Хэ, Малый Ань, Нашебо, Унахэ, Му»¹⁹.

То, что государство Кан названо «отраслью кангюйского Дома», позволяют считать его правопреемником Кангюя. На это же указывают и более поздние, чем «Вэй шу», источники, где преемственность Кана или зависимых от него владений от Кангюя отмечена неоднократно²⁰. Кроме того, иероглиф, обозначающий наименование «Кан», совпадает с первым иероглифом в слове «Кангюй». В описании Кан в «Вэй шу» указано не только то, что Кан является «отраслью кангюйского Дома», но и что его

¹⁶ Там же. С. 183.

¹⁷ Там же. С. 151, 183.

¹⁸ Там же. С. 191.

¹⁹ Там же. С. 271.

²⁰ Там же. С. 271, 280–281, 310–311.

правители «происходят из Дома Юэчжи», а описание движения юэчжей на запад полностью совпадает с сообщениями ранних источников.

Следует иметь в виду, что против установления взаимодействия Кана с Кангюем имеются и серьезные возражения. Так, Б.И. Вайнберг, основываясь на анализе тамгообразных знаков, пришла к заключению, что владение Кан, имевшее и другие названия (Сиваньгинь и пр.), идентично самаркандскому Согду и имело правящую династию, связанную с юэчжами Дома Чжаову, отличными от юэчжей-кушан. В то же время Кан, по ее мнению, не имел ничего общего с Кангюем, а указание на преемственность Кана от Кангюя не более чем смешение представлений о Кане и Кангюе у китайских хронистов²¹.

Подробный анализ всех фактов, подтверждающих связь Кангюя с Каном и с юэчжами, не входит в задачу данной работы (этой проблеме будет посвящено отдельное исследование), но на некоторые важные для нашей темы факты следует обратить внимание. Птолемей, описывая среднеазиатский регион, помещает тохаров, идентифицируемых с юэчжами, не только на землях древней Греко-Бактрии, но и в северных районах Согда (VI. 12. 4). Это подтверждает некоторые выводы Б.И. Вайнберга. Однако именно в Согде (но не в Самарканде), по моему мнению, следует локализовать три из пяти малых владений Кангюя, описанных в «Хань шу»²². Мнение о подобной локализации этих владений высказывалось С.П. Толстовым²³ и В.В. Бартольд²⁴, а ряд исследователей считал, что около рубежа нашей эры Согд был подчинен Кангюю²⁵.

Неясно, был ли подчинен самаркандский Согд Кангюю в ханское время, но то, что в период Вэй (386–534) столица владения Кан располагалась не в Самарканде, следует из ее местонахождения на р. Сабао в городе Алуди, локализация которых неизвестна. В VII в. Кан уже локализовался в Самарканде. Это вытекает из информации, описывающей взаиморасположение Кана и зависимых от него владений, которая приводится в «Бей ши», династийной истории, характеризующей послевайский (534–581) и суйский (581–618) периоды истории Северного Китая, а также из прямого указания на это в «Синь Тан шу» («Новая хроника государства Тан» – 618–907).

Описание Кан в «Синь Тан шу» несколько отличается от описания в «Вэй шу»: «Владение Кан, иначе называемое Самогянь или Лимогянь, при династии Юань-вэй называлось Сивиньгинь (Сиваньцинъ по другим переводам. – Т.Г.) ... лежит на южной стороне реки Нами ... Прозвание государю Вэнь. Он происходит из Дома Юэчжи. Первоначально сей Дом обитал по северную сторону гор Цилянъ в городе Чжаову. После поражения от тукюесцев, он подался на юг к Луковым горам, овладел нынешними землями ... При государе Гао-цзун [650–683] ... владения его переименованы кангюйским губернаторством...»²⁶.

Важным в сопоставлении текстов из «Вэй шу» и «Синь Тан шу» является не только сходство в информации, характеризующей Кан, но и различия. В «Вэй шу» причины ухода юэчжей от гор Цилянъ на запад связываются, как и в ранних династийных историях, с поражением их от хуннов. В «Синь Тан шу» эта информация отсутствует, но говорится об уходе на юг после поражения от тюрков. На вопрос, идет ли в обоих случаях речь об одном и том же событии, но с заменой хуннов на тюрков, я думаю, следует ответить отрицательно, и вот почему: движение юэчжей, согласно «Вэй шу»,

²¹ Вайнберг Б.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV–V вв. // Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972. С. 145–148; она же. Монеты древнего Хорезма. М., 1977. С. 74–77.

²² Габуев Т.А. К вопросу о локализации пяти «малых владений» Кангюя // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Тезисы докл. междунар. конф., посвящ. 75-летию Б.А. Литвинского. М., 1998. С. 33–35.

²³ Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 144.

²⁴ Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 177.

²⁵ Mc Govern W.M. The Early Empires of Central Asia. N.Y., 1939. P. 134; Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India. Camb., 1951. P. 307.

²⁶ Бичурич. Собрание сведений... II. С. 310–311.

происходит с востока на запад и приводит их в «древнее царство Кан», где владетель в дальнейшем обосновывается на р. Сабао в городе Алуди. В «Синь Тан шу» движение происходит с севера на юг, и владетель обосновывается в Сиваньгини (Самарканде) на р. Нами (Зеравшан). Очевидно, что в этих двух случаях речь идет о разных событиях. В первом случае это проникновение юэчжей в «древнее царство Кан», которое, как явствует из контекста, следует отождествить с Кангюем. Во втором – поражение канско-кангюйского владетеля от тюрков и перенос его ставки на юг, в Сиваньгинь.

Если первое событие можно датировать раннеханьским временем, то дату второго можно установить приблизительно. Она не может быть ранее времени написания «Вэй шу», т.е. середины VI в. н.э., когда Кан локализуется на р. Сабао в городе Алуди и позже начала VII в., т.е. времени создания «Бэй ши», когда Кан локализуется уже в Самарканде. Итак, до середины VI в. столица Кан-Кангюя находилась где-то к северу от Самарканда, но Кану подчинялись многие владения в Согде, а к VII в. столица Кан уже была перенесена в Самарканд.

Обращает на себя внимание родовое имя правителей государства Кан – Вэнь. Обозначающий его иероглиф совпадает с начальным иероглифом в слове «Вэньнаша», являвшимся одним из названий владения Яньцай-Аланья. Интересно объяснение наименования Вэньнаша, предложенное японскими исследователями: по их мнению, первый иероглиф – «вэнь» в слове «Вэньнаша» – имя собственное²⁷. Это позволяет предположить, что родовое имя «Вэнь» принадлежало не только правителям государства Кан, но и правителям владения Яньцай-Аланья. В свою очередь то, что в государстве Кан «со времени династии Хань преемство престола не пресекалось», свидетельствует о принадлежности правителей этих владений в ханьское время к одному правящему юэчжийскому дому. Наиболее раннее упоминание князей, имевших в своем названии иероглиф «вэнь», зафиксировано в «Хань шу» в I в. до н.э., на территориях к северу от Китая²⁸.

Интересующий нас иероглиф «вэнь» присутствует в наименовании, которое хуннский правитель (шаньюй) дал одному из подвластных ему князей – «вэньоуто-ван». В.С. Таскин, автор перевода и комментариев к тексту, в котором упоминается вэньоуто-ван, никак не прокомментировал это наименование и дал его написание с маленькой буквы как титул. Н.Я. Бичурин перевел всю группу иероглифов, составляющих слово «вэньоуто-ван», как «караульный Вынь-князь» (Вэнь)²⁹. При этом иероглифы, транскрибируемые словом «оуто», в китайском языке не имеют значения «караульный». Скорее всего Н.Я. Бичурин выбрал определение «караульный», не находя другого смыслового объяснения.

В китайских династийных историях термин «вэньоуто-ван» обнаружен единственный раз и только в вышеприведенном тексте. А вот термин «оуто» встречается неоднократно, но без иероглифа «вэнь» и иногда со словом «ван» – князь. В.С. Таскин, проанализировав несколько фрагментов китайских летописей («Ши цзи», гл. 110; «Хань шу», гл. 94а, л. 31б, 32а, гл. 94а, л. 36а, 36б, гл. 94б, л. 5б), пришел к выводу, что «под оуто имеются в виду не пограничные заставы или наблюдательные пункты, а вооруженный лагерь значительных размеров, который был в состоянии отразить нападение нескольких тысяч человек... вполне допустимо отождествить оуто с тюркским термином *ordu* – орда»³⁰. Н.Н. Крадин, поддержав этот вывод В.С. Таскина, считает, что оуто – это группа кочевий, собранных в одно большое становище, а титул «оуто-ван» давался администратору, управляющему данным подразделением³¹.

²⁷ Shiratori K. Study on Su-t'e or Sogdiana // МТВ. 2. 1928. P. 98; Enoki K. Sogdiana and the Hsiunh-nu // САЖ. V. I. № 1. 1956. P. 59.

²⁸ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 2. М., 1973. С. 46.

²⁹ Бичурин. Собрание сведений... I. С. 99.

³⁰ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. М., 1968. С. 131–132.

³¹ Крадин Н.Н. Империя хунну. Владивосток, 1996. С. 129.

Разделяя точки зрения этих исследователей, хотелось бы отметить, что подразделений кочевников типа «оуго» у хуннов было немало и возглавляли их правители, называемые китайцами «ваны» – князья. А вот наличие слова «вэнь» в сочетании с титулом «оуго-ван», встреченное один раз, позволяет предположить, что наименование «вэнь» могло быть, как и в случае с правителями государства Кан, родовым княжеским именем.

На одном только совпадении иероглифов, которыми китайцы определяли иноземные понятия, строить концепции рискованно, но вот то, что в тексте имеются географические привязки, позволяющие локализовать земли вэньоуго-вана, дает возможность в осторожной форме это сделать.

Земли вэньоуго-вана, как явствует из текста, находились «против округа Чжань». Этот округ в китайских источниках упоминается многократно и чаще всего вместе с округом Цзюцюань и горным хребтом Дуньхуан³². Округ Цзюцюань находился в непосредственной близости от Чжань, а горы Циляншань (на границе этих округов) – это хребет Рихтгофена в провинции Ганьсу³³, т.е. древний округ Чжань располагался на территории современной провинции Ганьсу. Непосредственная же близость от Чжань хребта Дуньхуан позволяет обратиться к текстам «Ши цзи» и «Хань шу», в которых хребты Дуньхуан и Циляншань ограничивают территорию первоначального обитания юэчжей: «... первоначально он (т.е. большой юэчжи. – Т.Г.) кочевал между Дунь-Хуан и Цилян-шань»³⁴.

Итак, территории, занимаемые вэньоуго-ваном в конце I в. до н.э., и территории первоначального обитания юэчжей до их поражения от хуннов в середине II в. до н.э. совпадают. Кроме того, в «Бэй ши» говорится, что земли малых юэчжей, которые после поражения от хуннов не последовали за большей частью своего народа на запад, находились между областями Си-пъин и Чжан-йе³⁵. Выше говорилось о местоположении области Чжань в современной провинции Ганьсу. Что же касается области Си-пъин (или Сипин), то ее нахождение в современной китайской провинции Циньхай, т.е. к западу от Ганьсу³⁶, позволяет заключить, что и в этом случае речь идет приблизительно об одной и той же территории. Кроме того, в «Цзю Тан шу» («Старая хроника государства Тан»), т.е. в более позднем, чем «Бэй ши», китайском источнике, сообщается: «Предки народа юэчжи прежде жили в Чжань, в г. Чжао'у, находившемся к северу от гор Цилян»³⁷. Итак, в разновременных китайских летописях наблюдается удивительная устойчивость в закреплении за юэчжами одной и той же территории. Первоначально на ней фиксируются юэчжи до поражения от хуннов, а несколько веков спустя остатки этого народа, т.е. малые юэчжи. В промежутке же мы здесь обнаруживаем вэньоуго-вана. Отмеченное территориальное совпадение, а также отсутствие у хуннов князей с подобным наименованием позволяют высказать предположение о принадлежности вэньоуго-вана к юэчжам и как следствие этого, возможной реальности существования у юэчжей родового княжеского имени «Вэнь».

Если продолжить поиск аргументов в пользу правомерности выдвинутой цепочки юэчжи – Кангюй – аланы, то следует обратить внимание еще на некоторые факты. В «Бэй ши» имеется следующая информация: «Резиденция владения Му лежит на западной стороне реки Уху ... Владетель прозывается Чжаову. Он происходит из Дома канского государя. Проименование ему Аланьми»³⁸.

В «Синь Тан шу» наименование Аланьми мы встречаем еще раз: «Государь Ань, иначе называется Бухо, или Бухэ... Резиденция князя находится в г. Аланьми. Прежде эти земли принадлежали кангюйскому удельному князю Цзи (Ги по Н.Я. Бичу-

³² Бичурин. Собрание сведений... I. С. 72, 79, 187; II. С. 164, 171, 200, 209.

³³ Таскин. Материалы... Вып. I. С. 148.

³⁴ Бичурин. Собрание сведений... II. С. 151, 183.

³⁵ Там же. С. 266–267.

³⁶ Цыхай (Море слов). Шанхай, 1948. С. 1222 (на кит. яз.).

³⁷ Малавкин. Танские хроники... С. 257.

³⁸ Бичурин. Собрание сведений... II. С. 287.

рину. – Т.Г.)»³⁹. В том же источнике имеется упоминание еще и города Алань: "Во время эры правления Сянь-цин (656–661 гг.) в городе Алань создан округ Аньси, а его князь Чжао'у Ша назначен правителем округа"⁴⁰.

Важным в вышеприведенной информации для нас является не только то, что в раннесредневековый период в Средней Азии продолжают существовать наименования, связанные с этнонимом «аланы», но и то, что в обоих случаях эти наименования имеют отношение к канскому-кангюйскому государству. В одном случае князь Аланьи «происходит из Дома канского государя», в другом – города Аланьи и Алань находились на землях кангюйских удельных князей, являясь их резиденцией. Кроме того, вышеупомянутые князья именовались Чжао'у (Чжаову), что указывает на их связь с юэчжами.

Итак, связь алан с Кангюем и юэчжами сомнений не вызывает. В то же время ставить знак равенства между аланами и юэчжами не следует, но рассматривать последних как компонент в составе алан, я думаю, правомерно.

Завершая перечисление фактов, связанных с пребыванием алан в среднеазиатском регионе, хотелось бы отметить, что здесь аланы неоднократно фиксируются в период раннего средневековья. Я имею в виду не только наличие топонимов типа Аланкаль⁴¹, а также признание исследователями участия алан в этногенезе многих среднеазиатских народов, но и прямое указание на их присутствие здесь как народа.

В «Суй шу» («Хроника государства Суй» – 581–618), источнике, описывающем события конца VI и начала VII в. н.э., дается перечисление 45 племен, названных телескими. Среди них упоминается и племя алань. Список телеских племен (в том числе и племени алань) повторяется и в более поздних источниках: «Бэй ши», «Тун дзянь» (VIII в.), «Тай пин хуаньюй цзи» («Описание Вселенной в годы правления Тай пин син го» – X в.)⁴². А.Г. Малявкин считает, что под телескими племенами подразумеваются все известные составителям летописей племена, разбросанные по степи от Каспийского моря до Маньчжурии⁴³. К сожалению, из-за отсутствия информации мы не можем локализовать этих алан, хотя сам факт их упоминания является немаловажным.

Более интересную информацию об аланах в Средней Азии в средневековый период мы встречаем в трудах ал-Бируни (973 – ок. 1050 г.). Объясняя существование русел у р. Джейхун (Амударья), ал-Бируни сообщает о ее низовьях: «Она затопила много местностей на долгое время и разрушила (их) также; жители их переселились на побережье Хазарского (Каспийского. – Т.Г.) моря. Это род аланов и асов, и язык их теперь смешанный из хорезмийского и печенежского»⁴⁴.

Локализация алан и асов в низовьях Амударьи и в Приаралье совпадает с локализацией государства Яньцай-Аланья или Кангюя в период его максимального могущества. Кроме констатации факта пребывания алан на этой территории, интересным выглядит указание на этническое родство, если не тождественность, алан и асов («это род»).

Решение вопроса о характере взаимосвязи между аланами и асами не выглядит однозначно. Как справедливо отметил В.А. Кузнецов, одни источники их идентифицируют, другие – дифференцируют⁴⁵. В источниках античного времени мы встречаем и асов (асиев и асиан), и алан, причем независимо друг от друга. В средневековых же источниках аланы и асы чаще всего помещаются рядом или между ними ставится знак равенства. Средневековых асов следует рассматривать как этническую

³⁹ Малявкин. Танские хроники... С. 77.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Толстов. По следам... С. 47.

⁴² Малявкин. Танские хроники... С. 203.

⁴³ Он же. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск, 1981. С. 83. Комментар. 29.

⁴⁴ Цит. по Волин С. К истории древнего Хорезма // ВДИ. 1941. № 1. С. 194.

⁴⁵ Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. 106. С. 126.

единицу, составляющую общеаланский этнический массив и сохранившую в своем названии связь с асиями-асианами античных авторов.

Впервые этнонимы «асии» и «асианы» зафиксированы у Страбона и Помпея Трога в числе кочевников, сокрушивших Греко-Бактрию. Многие исследователи отождествляют асиев-асианов с усунями. М.В. Крюков считает, что древняя форма этнонима «усунь» «должна быть близка к *asuen*»⁴⁶, что напоминает по звучанию этноним *asiani* (асианы). Столь явное фонетическое сходство двух этнонимов позволяет считать подобное отождествление правомерным.

Попадание усуней-асиан в этническую среду, из которой вышли аланы, могло происходить на разных этапах их истории. Первоначально усунь находились в тесном соприкосновении с юэчжами и делили с ними одну и ту же территорию «между Дуньхуаном и Циляншанем». Соседство это вылилось в кровопролитную войну, закончившуюся победой юэчжей. Усунь бежали к хуннам. В дальнейшем, усилившись, они вытеснили своих недавних обидчиков – юэчжей из Семиречья, куда те переселились после поражения от хуннов. Именно в Семиречье китайские источники упоминают усуней со II в. до н.э. как западных соседей Кангюя. Хотя включение усуней в состав устремившихся на запад юэчжей не фиксируется китайскими источниками, но присутствие асиан в числе народов, покоривших Греко-Бактрию, указывает на такую возможность. А фраза Помпея Трога – «асианские цари тохаров» – указывает на активное взаимодействие двух этих народов (Prol. XLII). Что же касается Кангюя, то даже если и исключить версию о смешении усуней с юэчжами до попадания юэчжей в Кангюй, то длительное соседство усуней с Кангюем должно было привести к их проникновению на территорию этого владения. Ярким примером такого процесса является зафиксированное в «Хань шу» переселение в Кангюй в первые годы нашей эры усуньского царевича Бихуаньчжи с 80 000 подданных⁴⁷.

Итак, присутствие усуней-асиан на территории Кангюя несомненно. Очевидно и то, что в дальнейшем аланы и асы, если вспомнить ал-Бируни, на этой территории фиксируются неразрывно друг от друга, являясь двумя составляющими одного этнического целого.

Мы определили два составных компонента алан – это юэчжи-тохары и усунь-асии. К ним, без сомнения, следует прибавить и собственно кангюйцев, т.е. племена исконно обитавшие на территории названной китайцами Кангюем. Проходил ли процесс аланского этногенеза на территории всего Кангюя или формирование алан происходило только в отдельных областях этой кочевой державы, покажут будущие исследования. Сейчас мы можем только констатировать, что именно Кангюй был территорией, где формировался народ, более тысячелетия известный как аланы.

Обстоятельства, способствовавшие появлению алан на исторической арене, неизвестны, но имеющиеся в нашем распоряжении факты позволяют высказать некоторые соображения. Формирование алан происходило на территории Кангюя, который во II в. до н.э. был не более чем «политическим аутсайдером». В последующие два века мы наблюдаем возросшую мощь Кангюя. Произшедшие в кангюйском обществе изменения во внешней политике выразились в стремлении к расширению своей территории. Способствовать этому могло вхождение в Кангюй группировок юэчжей и усуней. Благодаря этим народам на территории Кангюя происходит концентрация не просто большой военной силы, но скорее всего силы для данной территории избыточной, а в военном отношении элитарной. Обусловлено это было тем, что юэчжам и усуням в их движении от северных границ Китая на запад при отпадении «слабосильного» элемента удалось сохранить мобильное и боеспособное ядро, в которое вливались не менее боеспособные и мобильные этнические единицы из других племенных группировок. В то же время, чтобы стремиться к завоеваниям, изменения

⁴⁶ Крюков М.В. Восточный Туркестан в III в. до н.э. – IV в. н.э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988. С. 233.

⁴⁷ Бичуриин. Собрание сведений... II. С. 198.

должны были произойти и в сознании самих кангюйцев. Ведь для того чтобы вести себя «надменно», «гордо», «дерзко», нужно было избавиться от психологии «политического аутсайдера». Во многом изменению сознания кангюйцев должна была способствовать, если использовать терминологию Л.Н. Гумилева, «пассионарность» юэчжей и усуней, желавших новых побед и добычи. Кроме того, чтобы сплотить население Кангюя, нужна была идея, которая могла бы стать общей для различных племенных группировок. Таковой могла стать идея этнополитического единства, появлению которой должны были способствовать ираноязычные интересующих нас групп кочевников, общей кочевой уклад хозяйства, приблизительно одинаковая разновидность социальных отношений и многое другое. На языковую и соответственно на этническую близость этих народов указывает «Хань шу»: «От Давани на запад до государства Аньси, хотя есть разность в наречиях, но язык весьма сходен, и в разговорах понимают друг друга»⁴⁸.

Объединяющей же идеей, которая могла быть выбрана для консолидации этнополитического кангюйского общества, стала идея общего происхождения. Как часто случалось в истории, люди, в трудную минуту, апеллируют к героическому прошлому своих предков. По всей видимости, именно этноним «агуапа», т.е. арий, бывший в древности общим для всех ираноязычных народов, стал наиболее популярен у кангюйцев и был воспринят если не всеми, то, во всяком случае, значительной их частью. Причем, воспринят он был не в древней фонетической форме – агуапа, а в новой – алапа. Лингвистическая закономерность перехода «г» в «л» в двух этих словах была убедительно доказана В.И. Абаевым⁴⁹. Как широко был распространен этноним «аланы» в среде населения Кангюя, неизвестно, но на присутствие его на территории Кангюя и после появления алан в Причерноморье указывают многие из вышеприведенных фактов (аланорсы, Аланьи, алань и пр.).

Сформировавшись как народ, аланы, в рамках проводимой Кангюем политики, начинают свое движение на запад. Двигаться в западном направлении алан заставили их соседи, обладавшие достаточной военной мощью, чтобы ограничить экспансионистские устремления алан с востока и юга. С юга Кангюю противостояли большие юэчжи, создавшие на территории Греко-Бактрии мощную Кушанскую империю. С востока противодействовали усунь и хунны, вместе обладавшие огромной военной силой. Далее к востоку находился раннеханьский Китай, который именно в I в. до н.э., в своей экспансии на запад, достиг наибольших успехов. Максимально же возможное для кочевников продвижение на север кангюйцами было осуществлено. В зависимости от Кангюя попало владение Янь, платившее им дань пушниной⁵⁰. На западе же политическая ситуация благоприятствовала вторжению алан. В первой половине I в. до н.э. мы наблюдаем не только отсутствие политического единства в среде сарматов, но и вооруженное противостояние между различными сарматскими племенными союзами. Античные источники приводят два ярких примера этого. Я имею в виду войну 35–36 гг. н.э. между иберами и парфянами, в которой друг другу противодействовали две разные сарматские группировки (Тас. Ann. VI. 33), и войну 49 г. н.э. на Боспоре между сираками и аорсами (Ann. XII. 15–18). Междоусобицы способствовали проникновению алан в район Танаиса и Меотиды и позволили им закрепиться на вновь завоеванных землях.

Завершая разговор о происхождении алан, хотелось бы еще раз коснуться их взаимоотношений с сарматами. Рядом исследователей неоднократно высказывалась мысль о популярности этнонима «аланы» в среде ираноязычных кочевников, следствием чего в конечном результате явились исчезновение ко II в. н.э. с исторической арены названий различных сарматских племенных группировок и замена их этнонимом «аланы». Включение в состав алан различных этнических компонентов, в первую

⁴⁸ Там же. С. 188.

⁴⁹ Абаев В.И. Скифо-европейские изоглосы. На стыке Востока и Запада. М., 1965. С. 35–41.

⁵⁰ Бичурин. Собрание сведений... II. С. 229.

очередь сарматского, сомнений не вызывает. Следует только отметить, что процесс этот не был повсеместным и кратковременным. Если в описаниях Сарматии I–II вв. н.э. аланы фиксируются наряду с разными сарматскими племенами, то уже в IV в. в Причерноморье и Приазовье мы находим в основном алан.

Объяснить исчезновение с политической карты Сарматии в IV в. названий всех сарматских племен следует несколькими причинами. В первую очередь это уход с территории Сарматии на запад в Подунавье языгов и роксолан, а также насильственное включение в аланский союз отдельных групп кочевников. Но использование военной силы было не единственным фактором, позволившим аланам выступить консолидирующей силой, сплотившей разрозненные сарматские группировки. Идейной основой подобной консолидации скорее всего мог явиться сам этноним «аланы». Привлекательность же этого этнонима основана на его тождественности этнониму «агуана» – «арий», бывшему, как уже отмечалось, общим в глубокой древности для всех ираноязычных кочевников. Именно этим, по всей видимости, можно объяснить постепенное исчезновение с исторической арены многочисленных сарматских племенных объединений, при сохранении на страницах исторических хроник до XIV в. этнонима «аланы».

Постепенная «ассимиляция» аланами различных племенных группировок объясняет появление этого этнонима в первые века нашей эры на пространстве от Средней Сырдарьи до Дуная. Конечно же, не все эти территории были под властью алан, но с уверенностью можно выделить несколько районов, являвшихся центрами аланских племенных объединений. В I в. н.э. с аланами на востоке можно связать земли владений Кангюя и Яньцай, а на западе – территории вокруг Танаиса и Меотиды. В последующие два века аланские группировки фиксируются на западном побережье Каспийского моря, в Центральном Предкавказье и на Дунае.

Т.А. Габуев

THE ORIGIN OF THE ALANS ACCORDING TO THE WRITTEN SOURCES

T.A. Gabuyev

There are two principal points of view as to where the Alans may have originated from. One of them argues that the Alans were one of Sarmatian tribes genetically linked to the Aorsi, the other presents the Alans as an ethnos deriving from the Eastern Massagetan nomadic entity.

The counterargument of the former opinion is that the Alans are, in fact, not viewed as identical with the Sarmatians by any of the ancient authors. At the same time both Dio Cassius and Ammianus Marcellinus mention the Massagetan origin of the Alans. Ptolemaeus uses such terms as «Alans the Scythians» and «Alanorsi». The first term testifies to the fact that the author considers the Alans as coming from Scythia which stretches eastwards from the Volga river and encompasses the major part of the Middle East. The Alanorsi are also placed by Ptolemaeus in Scythia, east of the Alans themselves, next to the north-west end of the Tien Shan. The interpretation of this ethnonym as «Alanorsi» which has been suggested by supporters of the former point of view is not correct. The ethnonym is supposed to be understood as «white Alans» instead (V.I. Abayev) and is not to be considered as an intermediate one between the Aorsi and the Alans.

Chinese sources also place the Alans in Asia. How-han-shu (1st c. BC) mentions that the province of Yen-ts'ai was renamed A-lan-ya, i.e. Alania, and was dependant on Kang-gu. The author of the articles is inclined to view the fact as a confirmation of Yen-ts'ai having indeed been conquered by Kang-gu with the help of the Alans. The geographical situation of both the Alans and the Aorsi as indicated by Ptolemaeus correspond to the data of the Chinese sources in such a way that we may well place the Alanorsi in the territory of Kang-gu whereas the Alans in that of Yen-ts'ai. Upon analyzing all the extant Chinese sources we arrive at the conclusion that the formation of the Alanian ethnos took place on the territory of Kang-gu and that certain nomadic tribes which were known to the Chinese as Yueji and Wusun were part of the process. The ethnonym Alans is to be considered as a collective title which emerged in Kang-gu in the late 1st c. BC or, possibly, the late 1st c. AD and goes back to the ancient name «агуа».